

романтическая синтагматика, а *утомительным*; подчеркивает бледность лирической героини, болезненное биение ее сердца. Названные образы позволяют увидеть за романтическим сюжетом вполне реалистические черты реальной болезни (чахотки с ее румянцем на бледных щеках). Здесь потенциально заложены интертекстуальные параллели с «Дворянским гнездом» Тургенева, «Белыми ночами» Достоевского, «Сумасшедшим» Апухтина и т. д.

Значительное влияние на мелодику стихотворения «На заре ты ее не буди...» оказало пристрастие Фета к цыганскому пению. Его впечатления от самобытного исполнительского искусства молодых московских цыганок 1840-х годов стало основой необыкновенной музыкальности этого стихотворения, написанного трехстопным анапестом. В своем рассказе «Кактус» Фет так передавал свои впечатления от цыганского пения: «Сколько неги. Сколько грусти и красоты было в ее пении! Но вот она взяла несколько аккордов и запела песню, которую я только в первой молодости слыхивал у московских цыган, т.к. современные петь ее не решались. Песня эта, не выносящая посредственной певицы, известная... Песня исполнена всевозможных переливов, управляемых минутным вдохновением. Я жадно смотрел на ее лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть» [4. С. 333–334].

Размер стихотворения – 3-стопный анапест также способствовал его мелодичности. Б.М. Эйхенбаум, считая основным в лирике романтиков не содержание, а выражение, форму, выделял особую единицу романтического текста – группу слов в одном звучании. Г.А. Гуковский называл такую группу «музыкальным словесным потоком». «Слово романтиков – звучащее слово, романтический текст – “сладкая гармония” звуко сочетаний» [5. С. 197]. Русские переводы из Гейне не раз становились текстами романсов, высоко ценимых до настоящего времени (вспомним, например, романс Л. Малашкина «О если б мог выразить в звуке...», написанный на перевод Г. Лишина). Поэтому далеко не случайно, что и само стихотворение «На заре ты ее не буди...», положенное на музыку А. Варламовым, очень быстро стало популярной песней, распространившейся по всей России и за рубежом, причем первоначально именно в цыганском исполнении.

Е.А. Маймин в качестве одного из важных достижений лингвистической стилистики позднего русского романтизма называл использование народно-поэтических слов и выражений, разговорной лексики и синтаксических конструкций [7]. Стихотворение легко запоминается благодаря разнообразным повторам, столь свойственным народной песне – как известно, писатели-романтики особенно интересовались фольклором. Это анафорические повторы (*на заре, и чем*), повтор-эпифора (*луна, она*), повторы в первой и последней строках, повтор-подхват («И подушка ее горяча, / И горяч утомительный сон»).